

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395

EDN: UEQHAS

Научная статья / Research article

Особенности структурно-композиционного и лингвостилистического оформления художественно- публицистических жанров на страницах татарской периодической печати начала XX века

Б.К. Миннуллин

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ bahtiyar1986@yandex.ru

Аннотация. Начало XX века в Российской империи является периодом роста национального самосознания, в результате которого у народов разных национальностей формируются новые взгляды в вопросах получения образования, определения своей национальной идентичности, изучения истории своего народа и сохранения традиций. Важным результатом таких перемен стало возникновение национальной периодической печати. Первые органы татароязычной арабграфической периодической печати, издававшиеся в межреволюционный период 1905–1917 гг., сыграли важную роль в формировании и дальнейшем развитии татарской периодики и татарской журналистики в целом. В первых татарских газетах формировалась жанровая, композиционная, лексико-грамматическая и стилистическая структура современной татарской периодики. Этим обусловлена актуальность настоящей научной статьи. Цель данного исследования — выявление композиционных и лингвостилистических характеристик путевых очерков как самого популярного художественно-публицистического жанра, обнаруживающегося в текстах татарских газет начала XX в. Материалом исследования послужили тексты татарских газет «Борхане таракки» (1906–1911) и «Вақыт» (1906–1918). В ходе работы применен дескриптивно-аналитический метод, а также метод сплошной выборки фактического материала. Выявлено, что тексты путевых очерков представляют собой описание событий, очевидцем которых стал их автор, и характеризуются своей документальностью и художественностью. Такой характер построения текста, с одной стороны, выражается в публицистичности и наличии композиционных и лексико-грамматических структур, а с другой стороны, в активном функционировании средств художественной выразительности.

© Миннуллин Б.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: периодическая печать, татарская газета, газетные жанры, старотатарский язык, композиция текста, лексико-грамматические особенности

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: Миннуллин Б.К. Особенности структурно-композиционного и лингвистическо-стилистического оформления художественно-публицистических жанров на страницах татарской периодической печати начала XX века // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 385–395. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395>

Features of the Structural, Compositional and Linguistic-Stylistic Formation of Artistic and Journalistic Genres on the Pages of the Tatar Periodical Press of the Early Twentieth Century

Bakhtiyar K. Minnullin^{ORCID}

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, *Kazan, Russian Federation*
✉ bahtiyar1986@yandex.ru

Abstract. The beginning of the twentieth century in the Russian Empire is a period of growth of national consciousness. As a result, peoples of different nationalities are forming new views on education, defining their national identity, studying the history of their people and preserving traditions. An important result of such changes was the emergence of a national periodical press. The first organs of the Tatar-language Arabographic periodical press, published in the inter-revolutionary period of 1905–1917, played an important role in the formation and further development of the Tatar periodical press and Tatar journalism. The first Tatar newspapers formed the genre, compositional, lexical, grammatical and stylistic structure of the modern Tatar periodical press. This determines the relevance of this scientific article. The purpose of this study is to identify the compositional and linguistic-stylistic characteristics of travel essays as the most popular artistic and journalistic genre found in the texts of Tatar newspapers of the early twentieth century. The research material was the texts of the Tatar newspapers *Borkhane Tarakki* (1906–1911) and *Vakyt* (1906–1918). In the course of the work, the descriptive and analytical method was used, as well as the method of continuous sampling of factual material. As a result of the research, it was revealed that the texts of travel essays are a description of the events that the author witnessed. The studied texts are characterized by their documentary and artistic nature. On the one hand, this type of text construction is expressed in journalistic character and the presence of compositional and lexicogrammatical structures, and on the other hand, in the active functioning of means of artistic expression.

Key words: periodicals, Tatar newspaper, newspaper genres, Old Tatar language, text composition, lexical and grammatical features

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Minnullin, B.K. 2024. “Features of the Structural, Compositional and Linguistic-Stylistic Formation of Artistic and Journalistic Genres on the Pages of the Tatar Periodical Press of the Early Twentieth Century.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 385–395. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-385-395>

Введение

Как известно, начало XX в. для Российской империи является временем потрясений и перемен, одним из итогов которых принято считать рост национального самосознания. В результате формирования взглядов на национальную идентичность у татар возникает национальная периодическая печать, которая становится своего рода показателем наличия рычага в области организации национального движения и агитационной деятельности. Вместе с тем наличие национальной прессы является наиболее точным маркером высокого уровня грамотности у народов. В период с 1905 по 1907 г. наблюдается активная деятельность по изданию газет и журналов на татарском языке в местах компактного проживания татар: Казани, Уфе, Москве, Санкт-Петербурге, Оренбурге, Уральске, Астрахани и т.д.

Между тем ввиду еще неустоявшихся языковых литературных норм, в связи с типом и географической локацией редакции печатного органа, хронологическим периодом его издания, в связи с предпочтениями издателей, редакторов, а также авторов газетных текстов, их идеологическими взглядами, целями и задачами, темой публикации, на начальном этапе язык татарской периодической печати начала XX в. представлял собой неоднородное явление. В нем обнаруживаются лексико-грамматические элементы, характерные, как для кыпчакских, так и для огузских языков, в частности для османско-турецкого литературного языка рассматриваемого периода, часть газетных текстов характеризуется избытком арабской и персидской лексики, другая же часть отличается близостью к народно-разговорному языку казанских татар. Следует отметить, что подобная ситуация в целом является веянием времени и характеризуется поисками письменного литературного языка у татарской интеллигенции, что, помимо публицистики, находит свое отражение и в текстах художественной литературы рубежа XIX–XX вв. [1. С. 221–222].

Рассматриваемая историческая эпоха является периодом становления и для жанровой структуры татарской газеты. Опубликованные в газетах тексты, исходя из современных тенденций науки, можно разделить на информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Однако жанровое наполнение данных групп, а также четкость границ между текстами разных жанров к тому времени находится лишь на стадии формирования.

Цель исследования — выявить композиционные и лингвистические характеристики художественно-публицистических жанров, обнаруживающихся на страницах татароязычной арабографической периодической печати начала XX в., на примере текстов путевых очерков.

Материалом исследования послужили тексты газет «Борхане таракки» (1906–1911) и «Вақыт» (1906–1918), издававшиеся в межреволюционный период 1905–1917 гг. соответственно в Астрахани и Оренбурге.

В процессе исследования газетных текстов на предмет выявления в них особенностей структурного, лингвистического и стилистического построения были использованы дескриптивно-аналитический метод, а также метод сплошной выборки фактического материала.

Результаты исследования позволят визуализировать становление жанровой системы и языковых характеристик татароязычной арабграфической периодической печати начала XX в. В частности, в работе будут выявлены структурно-композиционные и лингвостилистические характеристики текстов путевых очерков, опубликованных в газетах «Борхане таракки» и «Вақыт».

Обсуждение

В отличие от информационных и аналитических жанров художественно-публицистические жанры характеризуются одновременным наличием в текстах публицистической и художественной основ. Функция информирования либо воздействия в таких текстах реализуется посредством наложения на документальность образного отображения действительности. Сегодня к художественно-публицистическим жанрам, как правило, относят тексты фельетонов, памфлетов, очерков, зарисовок, пародий, эпиграмм и эссе [2. С. 36–55]. Однако, по мнению некоторых исследователей, исходя из имеющегося сегодня на страницах современной периодической печати жанрового многообразия к художественно-публицистическим жанрам также следует отнести тексты сатирических комментариев, житейских историй, легенд, эпитафий, анекдотов и т.д. [3. С. 202–230].

На титульной части газет «Борхане таракки» и «Вақыт» отмечено, что по типу издания они являются политическими и литературными. Однако, если обратиться непосредственно к газетным текстам, становится ясно, что в их номерах преобладают тексты, относящиеся к информационным и аналитическим жанрам, тогда как художественно-публицистические жанры не получили соответствующего распространения. Следует отметить, что такую тенденцию можно считать характерной для преобладающего большинства органов татарской периодической печати начала XX в. соответствующего типа, в которых в качестве приоритетной была определена функция информирования.

Наиболее активным жанром, относящимся к художественно-публицистическим, обнаруживающимся в текстах исследуемых нами газет, является очерк. В настоящее время учеными выделяется три типа очерков: портретный, событийный, путевой. Следует отметить, что наиболее ранним типом принято считать путевой очерк. Одной из характерных особенностей путевого очерка является тот факт, что сам автор текста является героем повествования, а объект

описания имеет плавный характер развертывания [2. С. 43–46]. На первый взгляд, путевой очерк имеет схожие черты с репортажем, относящимся к информационным жанрам: в текстах обоих жанров повествователем является очевидец событий. Однако, в отличие от текстов репортажей, в путевых очерках череда описываемых событий характеризуется своей предопределенностью, а предметом их повествования становятся все ситуации, возникающие на пути очевидца.

Чаще всего тексты путевых очерков обнаруживаются в газете «Вақыт». Одной из важнейших публикаций, сыгравшей определенную роль в становлении татарской журналистики, и в частности художественно-публицистических жанров, является серия очерков «Истанбул мәктүпләре» («Стамбульские письма») Фатиха Карими, которая была опубликована в газете «Вақыт» в период с 1912 по 1913 г. Автор очерка описывает события, происходящие вокруг Балканских войн, им разрушаются стереотипы о Турции как о культурном и религиозном центре мусульманского мира, он отчетливо излагает свои национальные симпатии, а редакция газеты «Вақыт», в свою очередь, начинает отходить от традиционных тюрко-мусульманских взглядов, в ее текстах начинает прослеживаться явное стремление к освещению крепнувшего в обществе того времени чувства национальной идентичности [4. С. 131].

Рассматриваемый нами текст путевого очерка «Истанбул мәктүпләре» начинается с предложения, которое дает понять читателю о факте наличия предыдущей части данного текста, которое было опубликовано в более ранних номерах газеты: *Сугыш мәйданына Чаталжага китәргә рөхсәт сораб Хәрбийә министрлығына мөрәжәгат иткәнлегемне йазган идем* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Ранее я писал, что обращался в Министерство обороны с просьбой разрешить мне выезд на территорию военных действий в Чаталджу’.

Далее автором уже в зачине текста вводится личное «Я»: *Берничә васыталар арқылы үткәндән соң ниһайәт 13 нче нойабрда Хәрбийә министрлығының мөшавире Фуад Паша хозурына кердем. Мин кәргәндә аны көтеб торучы афитсерлар гайәт күб иде. Аларның эшләре бетәб нәүбәт миңа йеткәнче берәр сәгат үтде* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘После того, как я побывал у нескольких посредников, 13 ноября я, наконец-то, оказался в расположении у Фуада Паши — советника министра обороны. Когда я зашел, то увидел большое количество офицеров, ожидающих его. Пока они закончили дела, и очередь дошла до меня, прошло около часа’.

В указанном примере конкретные временные отрезки, в рамках которых развертываются описываемые события, вводятся в текст при помощи сочетания имени существительного и числительного: *13 нче нойабрда* ‘13 ноября’, *берәр сәгат үтде* ‘прошло около часа’.

Далее автор вводит в текст информацию, как правило отражающую субъективное восприятие увиденных автором фактов реальности: *Фуад Паша қысқа гына буйлы бер кеше. Башында гаскәри бүрек. Күзәндә күзлек. Зур залда*

бер өстэл йанына утырган. Йанында телефон. Минут сайын эле андан эле бундан үзе белән сөйләшә торалар. Афитсерларның қулларында кәғьдлар бар. Үз нәүбәтләре йеткәч шуны китереб бирәләр. Фуад Паша тиз генә уқый да кәғьдның читенә бер нәрсәләр йазыб үзләренә қайтарыб бирә тора. Гич сөйләшү йуқ (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Фуад Паша — человек невысокого роста. На голове военная шапка. На носу — очки. Сидит в большом зале за столом. Рядом телефон. Ежеминутно звонят то отсюда, то оттуда. В руках у офицеров имеются бумаги. Когда подходит их очередь, дают эти бумаги. Фуад Паша быстро читает, что-то пишет на уголке бумаги и возвращает обратно. Разговоры отсутствуют’.

Как показывает фактический материал, автор на протяжении всего отрывка поддерживает динамический характер повествования при помощи включения в текст форм настоящего времени (*кәғьдлар бар* ‘имеются бумаги’, *китереб бирәләр* ‘приносят’, *сөйләшү йуқ* ‘разговоры отсутствуют’ и т.д.) и формы изъявительного наклонения на *-а тор* (*сөйләшә торалар* ‘продолжают разговаривать’, *қайтарыб бирә тора* ‘продолжает возвращать’). Значение сиюминутности и быстротечности в приведенном отрывке передается при помощи союза *эле* ‘то’ в сочетании с указательными местоимениями (*эле андан эле бундан* ‘то оттуда, то отсюда’) и локализации временного отрезка (*минут сайын* ‘ежеминутно’, *үз нәүбәтләре йеткәч* ‘когда подходит их очередь’). Активное применение в указанном отрывке имен прилагательных (*қысқа* ‘короткий’, *зур* ‘большой’), наречий (*тиз генә* ‘быстро’) и односоставных предложений позволяет автору корректировать эмоциональный и оценочный уровень текста.

Исходя из репрезентативной выборки, чужая мысль в тексте рассматриваемого путевого очерка передается посредством прямой речи, которая вводится в текст при помощи слов автора. При этом грамматические, лексические, фразеологические и интонационные особенности речи лица, которому принадлежит высказывание, сохраняются в первоначальной форме. Кроме того, прямая речь, включенная в структуру текста, являясь показателем разговорного стиля, имеет положительное влияние на достоверность изложенной информации: “*Мөхәбирләргә анда барырга рәхсәт бирелми, элекдән барганларын да қайтардық, затә хәзер анда сугыш йуқдыр, әгәр йаңгыдан баиланса ул вақыт күрермез” диде* (Вақыт, ноябрь, 1912) ‘Он ответил: «Корреспондентам не разрешается туда ехать, мы вернули и тех, кто уехал раньше, в сущности, сейчас там нет войны, если начнется заново, тогда увидим’.

Исходя из репрезентативной выборки, создается четкое понимание того, что рассмотренный текст путевого очерка характеризуется своей эмоционально-экспрессивной и динамичной природой, наложенной на авторскую субъективность.

Подобная структура построения текста использована и при создании путевого очерка под названием «Иран мәктүпләре» («Иранские письма»)

Бургана Шарафа, опубликованного в газете «Вақыт». Личное «Я» автора текста вводится уже в зачине текста: *Зөлкагдәнең башы (2 нойабр) дүшәнбе иртә торғач да кечкенә генә шире хөршид флағын өстәлемнең өстенә асылындырыб сабыны диуарға қадақға бәйләдем. Теге йақда кечкенә шаһның бийек қыйтғадағы рәсеме бер ничә көндән бирле бүлмәмне бизәб тора. Болар Русийә мөселманларының берсе тарафындан Иранлы қардәшләренә күрсәтелгән дустлык галәмәтләредер* (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘После пробуждения утром понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября), я привязал древко флага «солнечного льва», который свисал над моим столом, к гвоздю на стене. На противоположной стороне картина маленького шаха вот уже несколько дней украшает мою комнату. Это — знак дружбы одного из российских мусульман, направленный в адрес иранских братьев’.

Как показал анализ материала, личное «Я» вводится в текст при помощи употребления имен существительных с аффиксом принадлежности (*өстәлем* ‘мой стол’, *бүлмәм* ‘моя комната’) и аффиксов первого лица (*бәйләдем* ‘привязал’). Кроме того, для повышения уровня достоверности вводимой в текст информации, а также для оперативного включения адресата в ход описываемых событий автор указывает в тексте конкретный временной отрезок (*зөлкагдәнең башы (2 нойабр) дүшәнбе иртә* ‘утро понедельника в начале месяца зулькагда (2 ноября)’).

Далее приводится отрывок текста, касающийся ситуации вне комнаты, где находится автор: *Жуынғач кийенгәч дә бақчага чықдым, жылнең әсәре дә йуқ, қойаш — нойабрдә сирәк була торғанча — қыздыра. Урамға күз салдым, йөрүче күбәйгән, күршемездәге йортдан, бал қортлары кеби таралған балалар һәмәсе «Шәрық» газетасын күтәрәб төрле йақға йөгәрәләр* (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘Помывшись и одевшись, вышел в сад, нет ни единого порыва ветра, солнце, хотя это нехарактерно для ноября, печет. Посмотрел на улицу, людей прибавилось, дети из соседнего дома, словно пчелки, разбегаются в разные стороны, держа в руках газету «Шәрық»’.

Из материалов видно, что в рассматриваемом тексте, так же как и в тексте путевого очерка «Истанбул мәктүпләре», автором для подчеркивания сиюминутности развертываемых событий, активно используется форма настоящего времени на *-а*, в то время как оценочный и эмоциональный уровень текста регулируется при помощи включения в текст сравнений (*бал қортлары кеби* ‘словно пчелки’).

В сравнении с текстом очерка «Истанбул мәктүпләре» рассматриваемый текст, как правило, отличается неспешным характером повествования, что в грамматическом плане выражается активным использованием формы прошедшего времени на *-ды*: *Магазаның хужасы үзе дә урамдатора икән, сәлам бирде, мин тәбрик итдем, ул бездә кийәүләр жауаб бирә торған гыйбарә илә жауаб бирде, күзгә қараб көлешдек... Менә постаханә урамындан борылдық... Қапудан кергәндә билетны тикиерделәр, ул вақыт мин қапқа*

башын тамаша қылдым (Вақыт, ноябрь, 1909) ‘Как оказалось, хозяин магазина и сам стоит на улице, поприветствовал, я поздравил, он ответил высказыванием, которое у нас используют зятья, посмеялись смотря в глаза... вот мы повернули на улицу, где находится почта... при входе проверили билеты, в это время я смотрел на верх ворот...’.

Как можно наблюдать, в тексте рассматриваемого путевого очерка отчетливо прослеживается одна из характерных особенностей данного жанра, а именно субъективно окрашенное описание увиденных автором во время путешествия ситуаций.

В газете «Борхане таракки» художественно-публицистические жанры, в том числе тексты путевых очерков, обнаруживаются редко. В одном из номеров газеты под псевдонимом «Надан шәкерт» («Безграмотный ученик») опубликована часть путевого очерка «Үткән гомер вә карангылык. Хәзерге хәлем вә шатлык» («Мое прошлое и тьма. Мое нынешнее положение и радость»).

Композиционная структура рассматриваемого текста выстроена таким образом, что его главный тезис выдвигается в зачине. При этом субъективное изложение увиденного автором выражается в тексте посредством цепочки логических аргументов по мере развертывания текста. Главный тезис данного текста сформулирован так: *Әйтәләр иде (Заман! Һәрнәрсәне үзенә таба бөгә).* *Бу сүз бик дәрест икән* (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Раньше поговаривали, время всё гнет под себя. Это очень правильные слова’. Далее автор включает в структуру текста вспомогательный тезис, задача которого заключается в усилении главного тезиса: *Бара торгач «Шәкерд илә ыстудент» исемле китабдагы йазылган татарның асыл сәйәхәт — йул йөрешен белмәгәнлеген пароходда күзем берлән күрдем, китабда әйлетгән сүзләрнең дәрестлегенә ышана башладым, йазучыга да ачуым қабармый башлады* (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Вскоре, на пароходе я своими глазами увидел незнание основ путешествия татарина, описанного в книге «Шакирд и студент», начал верить в верность написанных слов, перестал злиться на автора’.

Как показывают материалы, личное «Я», подобно двум предыдущим текстам путевых очерков, также вводится в текст уже на начальном этапе построения текста. В грамматическом плане это отражается в активном использовании аффиксов принадлежности (*күзем* ‘мой глаз’, *ачуым* ‘моя злость’) и аффиксов первого лица (*күрдем* ‘увидел’, *ышана башладым* ‘начал верить’). Между тем тот факт, что основной формой при выражении категории времени глагола в данной части текста является форма прошедшего времени на *-ды*, подчеркивает неспешный характер повествования.

Далее, в целях раскрытия главного тезиса автором вводится в текст ряд аргументов: *Пароходда төрле төрле фикерле кешеләр берлән утырыша торгач, ул кешеләр миндән, айның әвәл башда кечкенә булыб да бара торгач зурайыб, тагын да кечкенә булыб қалуын сорыйлар, безнең әйләнәб әйләнмәвен сорыйлар, өстендә утырыб бардықымыз пароходның, тимердән йасалган булыб да,*

суда батмаучылыгын сорыйлар, пәйгамбәремезнең Мәкәдән Мәдинәгә күчүгә қай йылда булганлығын вә буңа сәбәб нәрсә идекен сорыйлар, дөһияда ничә төрле миләт бар, алар ничә төрле тел берлән сөйләшәләр, аларның қайсыларының телләре дөһияда күб сөйләнмәкдә... вә бәшқә буның кеби нәрсәләр сорыйлар. Бу сорауларга җаваб бирә алмаганлығыма ачуым килеб, үземнең дүрт аяқлы җәнварлардан айырмам фәқат кеше кийеме кийенәб йөрүдән генә ғыйбарәт идегене аңлаб һаман иске тормышқа дошманлана ғына бара идем... (Борхане таракки, декабрь, 1906) ‘Мы располагались на пароходе рядом с людьми, которые имеют на всё свои собственные взгляды, некоторые из них спрашивают у меня, отчего же луна по началу бывает маленькой, потом становится больше, а затем снова мельчает, они спрашивают, опрокинется ли наше судно, спрашивают, почему же, несмотря на то, что наш пароход сделан из металла, он не тонет, спрашивают, когда наш пророк перебрался из Мекки в Мадину, и что послужило причиной этому, спрашивают, сколько разных национальностей существует в мире и на скольких языках они разговаривают, какой из языков самый востребованный... задают такого рода другие вопросы. От того, что я не мог ответить на эти вопросы, я злился на себя, начинал думать, что отличаюсь от четвероногих животных лишь тем, что ношу человеческую одежду, я все больше становился врагом своей прошлой жизни...’.

Приведенный отрывок характеризуется активным употреблением форм настоящего времени на *-а* и прошедшего незаконченного времени на *-а иде*, задача которых заключается в акцентировании на сиюминутности описываемых событий. Между тем принципы последующего развертывания текста нацелены на дальнейшее освещение субъективного авторского восприятия увиденного им, подобно тому как это выражено в последнем отрывке.

Как видно из фактического материала, в лексическом плане рассмотренные тексты характеризуются активностью общеупотребительной лексики (*кәҗыд* ‘бумага’, *кеше* ‘человек’, *булмә* ‘комната’, *тел* ‘язык’, *күзлек* ‘очки’, *өстәл* ‘стол’, *телефон*, *бақа* ‘сад’, *бала* ‘ребенок’, *пароход*, *китаб* ‘книга’, *қапу* ‘дверь’). Также в текстах газет зафиксировано активное употребление арабской и персидской лексики (*нәүбәт* ‘очередь’, *Зөлкәдә* ‘Зулькагда’, *хәрбийә* ‘военная’, *кәҗыд* ‘бумага’, *шире хәршид* ‘солнечный лев’, *шәкерд* ‘ученик’, *дүшәнбе* ‘понедельник’, *диуар* ‘стена’, *шаһ* ‘шах’, *пәгамбәр* ‘пророк’, *әвәл* ‘сначала’, *сәйәхәт* ‘путешествие’). В этом плане язык исследованных газет не выбивается из общей картины, характерной для татарского литературного языка рассматриваемого периода. Кроме того, в текстах газет обнаруживаются заимствования из русского и западноевропейских языков (*пароход*, *нойабр* ‘ноябрь’, *министрлық* ‘министерство’, *минут* ‘минута’, *афитсер* ‘офицер’, *флаг*, *телефон*, *магаза* ‘магазин’, *ыстудент* ‘студент’, *билет*). Следует отметить, что текст путевого очерка, опубликованного в газете «Борхане таракки», по сравнению с двумя другими текстами характеризуется минимальным присутствием русскоязычной и западноевропейской лексики. При этом русские

и западноевропейские заимствования, функционирующие в тексте путевого очерка «Стамбульские письма» Фатиха Карими, как правило, относятся к военной и общественно-политической лексике. Также рассмотренные тексты характеризуются активностью имен собственных, в частности топонимов (*Чаталджа* ‘Чаталджа’, *Мәкә* ‘Мекка’, *Мәдинә* ‘Медина’), антропонимов (*Фуад Паша*), гемеронимов (“*Шарық*” ‘«Шарык»’) и т.д., которые относятся к конкретно-номинативной лексике и подчеркивают высокий документальный характер текста.

Заключение

Таким образом, как показывают материалы, художественно-публицистические жанры, в частности тексты путевых очерков, являются не самыми распространенными в исследованных нами газетах. Прежде всего, данный факт объясняется тем, что начало XX в. является периодом зарождения татарской периодической печати. На раннем этапе формирования жанровой системы татарской периодики редакции печатных органов, как правило, основной своей целью видели функцию информирования. Позже к ней добавляется функция воздействия через информирование. Эстетическая функция, которая и лежит, наряду с функцией воздействия в основе художественно-публицистических жанров, закрепляется в жанровой структуре татарской периодической печати по мере ее развития. Однако основы этой группы жанров начинают закладываться в наиболее ранних татарских газетах, к которым относятся и печатные органы, тексты которых исследованы в данной статье.

Рассмотренные нами тексты являются описанием определенных событий, свидетелем которых во время своего путешествия оказался автор путевого очерка. Как видно, приведенные тексты характеризуются как документальностью, так и художественностью, что в плане построения текста выражается в его публицистичности, наличии определенных композиционных и лексико-грамматических структур, а также в активном употреблении средств художественной выразительности.

Список литературы

1. Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 216–226. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
2. Бобков А.К. Газетные жанры. Иркутск: Иркутский университет, 2005.
3. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. Гатин А.А. Фатих Карими и татарское общество в начале XX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 1. С. 128–132.

References

1. Gilemshin, F.F. 2023. “XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 216–226. Print. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>

2. Bobkov, A.K. 2005. Newspaper genres. Irkutsk: Irkutskiy universitet publ. Print. (In Russ.)
3. Tertychnyj, A.A. 2000. Genres of periodicals. Moscow: Aspekt Press publ. Print. (In Russ.)
4. Gatin, A.A. 2008. “Fatih Karimi and Tatar society at the beginning of the twentieth century.” Scientific notes of the Russian State Social University, no. 1, pp. 128–132. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Миннуллин Бахтияр Кимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом общей лингвистики, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0009-0002-3624-2848. E-mail: bahtiyar1986@yandex.ru

Bio note:

Bakhtiyar K. Minnullin is a Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Department of General Linguistics, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 20 Bauman St, 420111, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-3624-2848. E-mail: bahtiyar1986@yandex.ru